

К недочетам работы следует отнести и чрезмерный схематизм в изложении истории Кабарды эпохи позднего средневековья. Небольшой размер работы не может служить извинением этому.

Несмотря на это, в условиях отсутствия сводных работ по Кабарде появление книги Е. П. Крупнова является положительным фактом.

*Н. В. Трубникова*

**СБОРНИК ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА ИМ. Н. Я. МАРРА АН АРМЯНСКОЙ ССР**, т. I, Изд-во АН Арм. ССР, Ереван, 1946, 273 стр. Тираж 1500, цена 15 руб.

Вышедший в конце 1946 г. сборник содержит девять работ, часть которых была зачитана в качестве докладов на научной сессии Института языка имени Н. Я. Марра. По своему характеру работы распадаются на две группы: лингвистическую и филологическую. К первой относятся статьи: 1) В. А. Миханковой—«Старое и новое учение о языке», 2) Б. Б. Пиотровского—«Учение Н. Я. Марра о семантике и пиктографическое письмо древнего Египта», 3) Г. Гаспаряна—«Н. Я. Марр—лексикограф», 4) А. А. Мурвалаяна—«Суффиксы глаголов армянского языка». Ко второй группе следует отнести работы: А. С. Гарибяна—«Старое и новое арменоведение», 2) Л. М. Меликсет-Бека—«Древняя Русь и Армения», 3) А. Т. Ганалаяна—«Н. Я. Марр об армянском фольклоре» и 4) А. И. Мовсисян—«Н. Я. Марр и солидарность кавказских народов». Как указывается в кратком предисловии, все работы принадлежат последователям нового учения о языке и связаны с общими проблемами языковедения и нового арменоведения, основателем которого явился Н. Я. Марр. Труды показывают, в каком направлении идут лингвистические и арменоведческие работы Института. Сборник вышел под редакцией директора Института, профессора А. С. Гарибяна.

В ряде работ настоящего сборника затронуты темы, касающиеся древней истории. Характеризуя старое и новое арменоведение в лице его отдельных представителей, А. С. Гарибян останавливается на вопросе об этногенезе армян. Отвергая теории, характеризующие армян в качестве пришельцев с запада, автор, руководствуясь учением Н. Я. Марра, на основании лингвистических данных считает, что армянский народ образовался на территории исторической Армении. Культура этого народа, по мнению А. С. Гарибяна, является «закономерным развитием той культуры, которую в течение тысячелетий создали его предки—субары, митаннийцы, урартийцы, хайаса-армены и другие племена, роды и племенные группы» (стр. 68). Это тот вывод, к которому пришли представители нового арменоведения, пользующиеся методами исследования Н. Я. Марра. Этот вывод основывается на ряде капитальных исследований ученых Советской Армении, среди которых особенно видное место занимают: трехтомный труд по истории материальной культуры древнейшей Армении покойного проф. Х. Самуэляна и лингвистические исследования действительного члена Академии Наук Армянской ССР Г. Капанцяна по хеттским и халдскому языкам сравнительно с армянским.

Работа Б. Б. Пиотровского, члена-корреспондента Академии Наук Армянской ССР, посвящается пиктографическому письму древнего Египта под углом зрения учения Н. Я. Марра о семантике. Хотя статья и носит лингвистический характер, она дает материал по истории древнеегипетской культуры. Древнеегипетские идеограммы, как пишет автор, сохранившие пиктографичность в течение всего времени своего существования, обнаруживают семантические закономерности, охарактеризованные яфетическим языкознанием. Положение о том, что семантика определяется социально-экономической жизнью, иллюстрируется идеограммой «знатности», «благородства». Эта идеограмма изображает козла, на шею которого обозначена метка собственности. «Разве это не изумительная иллюстрация того, что в древнем Востоке частная собственность на животных являлась основным элементом для классового расслоения

и с ростом скотоводства имело место постепенное общественное накопление в руках отдельных племен и родов?»—пишет Б. Б. Пиотровский.

Очень интересны суждения автора относительно эволюции пиктографических выражений идей «души» и божеств. Стадиально идея «души» изображалась по-разному: в виде птицы—в период охотничьей религии, в виде быка—в земледельческой и скотоводческой стадии, и на последней стадии—в виде человека с птичьей головой или просто человека. Таким образом изображение «очеловечивается». Затем автор останавливается на детерминативах как остатках пиктографического письма и указывает на их служебную роль. Египетское письмо открывает широкий простор для палеонтологического изучения языка. На основании большого материала в статье дается анализ образа солнца со всеми дериватами, число которых очень велико и которые образуют целое гнездо значений. Все эти связи, выраженные иероглифически, находят свои соответствия как в изобразительном искусстве, так и в египетской литературе. Таким образом, идеограммы Египта последовательно отражают разные стадии общественного развития, что вскрывается палеонтологическим анализом.

К истории древнего мира имеет отношение и работа члена-корреспондента Академии Наук Армянской ССР Л. М. Меликсет-Бека «Древняя Русь и Армения». Большой интерес представляют первые пять глав, в которых речь идет об общих этногенетических компонентах русского и армянского народов: о «скифизмах» и «киммеризмах». Автор делает ряд сопоставлений по топонимике и этнонимике; например «колбязи» на Руси с «Колб» (Кульпы) в Армении, «киммер» с «Кумайр» (пынешний Леникан), Ра—древнее название Волги и «Раһ»—название реки в Армении. Затем автор останавливается на общностях, связанных с древнейшим градостроительством. Этой темой занимался уже давно Н. Я. Марр. Речь идет об основании Киева и Куар в Армении. В этой встрече легенд и имен также налицо общий киммерийский источник. Автор затем останавливается на общих чертах эпоса «Давид Сасунский» и русских былин, которые также могут указывать на общую древнейшую этническую подоснову. Наконец, проф. Л. М. Меликсет-Бек уделяет внимание и лексическим элементам, говорящим о взаимных заимствованиях. Анализ фактов, говорящих о древнейших связях Руси и Армении, в работе Л. М. Меликсет-Бека дается с исключительной тщательностью и с учетом достижений советской науки.

Все авторы сборника поставили своей задачей использование и дальнейшее развитие учения Н. Я. Марра о языке. Однако нельзя не отметить, что несколько странно отсутствие работ по халдоведению, тем более, что в Советской Армении, как и в турецкой Армении, сосредоточен урартский клинописный материал. С другой стороны, сохранилось немало элементов халдской морфологии и лексики в армянском языке, которые проливают свет на историю самого древнего государства на территории СССР. От халдоведов Армении можно было бы ожидать, чтобы и они сказали свое слово в сборнике. Правда, о халдских элементах культуры идет речь в работах С. Газаряна и А. Ганалаяна. Но этого, конечно, недостаточно.

*И. Кусикьян*